

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2025-86-6-34-42>

Диминутивы повести Л. Н. Толстого «Детство» в контексте языковой динамики: цифровой анализ авторских инноваций

Елена Викторовна Пронина¹, Дмитрий Анатольевич Романов²

^{1,2} Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, г. Тула, Россия

¹ alepro@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-6844-3266>

² kafirus@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>

Аннотация. Цель исследования – определить роль диминутивов повести Л. Н. Толстого «Детство» в становлении идиостиля писателя и их влияние на лексический состав русского литературного языка последующего времени. Работа посвящена комплексному анализу диминутивов в автобиографической повести Л. Н. Толстого «Детство» как важного элемента формирования идиостиля писателя и отражения инновационных процессов в русском литературном языке середины XIX в. Исследование осуществлялось с применением методов цифровой гуманитаристики, включая компьютерную обработку языковых данных. Для установления фактов первых употреблений использовались текстовые материалы Национального корпуса русского языка, дифференциальный словарь «Словаря русского языка XIX века», а также цифровая платформа «Социолит». Такой подход позволил провести более точный и объективный анализ неологических процессов, обусловленных формированием идиостиля Толстого. На основе цифрового сопоставления лексем повести «Детство» с единицами корпуса «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля выявлено 143 уникальных лексических единицы, представляющих собой потенциальную неологию для языкового узуса середины XIX в. Из этого числа 14 лексем являются диминутивами, шесть из которых – гапаксы. Среди выявленных диминутивов четыре адъективные лексемы, три из которых – колоративы: *белокуренький*, *розовенький*, *черномазенький*. Однако, по данным корпусного анализа, адъективные диминутивы не являются неологизмами писателя. Они уже функционировали в литературном языке к 1850-м гг. Диминутивы-прилагательные создают эмоциональный тон, фиксируют мимолетные впечатления героя-ребенка, передают психологизм детского восприятия и помогают создать интимную атмосферу семьи. Адъективные диминутивы становятся лексическими маркерами «счастливой поры» детства, которую Толстой называет «невозвратимой». Десять лексем представляют собой имена существительные, что подтверждает преобладание в русском языке субстантивной диминутивации. Большая часть этих лексем, по свидетельству цифровых лексических корпусов, – подлинные неологизмы толстовского текста (*панталончики*, *халатец*, *индюшечка*, *креслице* и др.). Исследование показывает, что в первом произведении биографической трилогии Толстого диминутивы играют важную роль при становлении уникального художественного метода «диалектики души». Они становятся одним из инструментов изображения внутреннего мира ребенка, помогая передать его психоэмоциональное состояние. Неологизмы Толстого, созданные по диминутивным словообразовательным моделям, обогатили литературный язык XIX в., открыв новые возможности для выражения эмоциональной оценки и передачи экспрессии. Исследование подтверждает языкотворческий характер художественного стиля Толстого, вводившего в употребление новые лексические единицы уже в своем первом произведении крупного жанра.

Ключевые слова: идиостиль Л. Н. Толстого, цифровой анализ лексики, корпусные методы исследования, литературный язык XIX в., диминутивы, неология

Источник финансирования. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-20226 «Контексты биографической трилогии Л. Н. Толстого: XXI век», <https://rscf.ru/project/25-28-20226/>

Для цитирования: Пронина Е. В., Романов Д. А. Диминутивы повести Л. Н. Толстого «Детство» в контексте языковой динамики: цифровой анализ авторских инноваций // Русский язык в школе. 2025. Т. 86, № 6. С. 34–42. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2025-86-6-34-42>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Diminutives in L. N. Tolstoy's story "Childhood" in the context of language dynamics: a digital analysis of the authorial innovations

Elena V. Pronina¹, Dmitry A. Romanov²

^{1,2} Tula State L. N. Tolstoy Pedagogical University, Tula, Russia

¹ alepro@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-6844-3266>

² kafirus@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>

Abstract. The study aims to determine the role of diminutives in Leo Tolstoy's novel "Childhood" in the formation of the writer's individual style and their influence on the lexical composition of the Russian literary language of the later periods. The work comprehensively analyses the diminutives in L. N. Tolstoy's autobiographical "Childhood" as an important element in the writer's individual style development and reflection of innovative processes in the Russian literary language of the mid-19th century. The research was conducted employing digital humanitaristics (humanities) methods, including computer processing of language data. To establish the facts of the first use, textual materials from the Russian National Corpus, the differential glossary of the "Dictionary of the Russian Language of the 19th Century", and the "Sociolit" digital platform were utilised. This approach enabled a more accurate and objective analysis of the neologistic processes conditioned by Tolstoy's individual style formation. Based on the digital comparison of the "Childhood" lexemes with the units obtained from the corpus of V. I. Dal's "Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language", 143 unique lexical units were identified. The lexemes represent potential neology for the language usage of the mid-19th century. 14 out of these are diminutives, 6 of which are hapax legomena. Four of the identified diminutives are adjectival lexemes, three of which represent colour vocabulary, namely *belokuren'kii* (English *fair-haired*), *rozoven'kii* (English *pinkish*), and *chernomazhen'kii* (English *dark-complexioned*). However, according to the corpus analysis data, the adjectival diminutives are not the writer's neologisms. They had already been in use in the literary language by the 1850s. The diminutive adjectives create an emotional tone, capture the child protagonist's fleeting impressions, convey the psychological nature of the child's perception, and help create an intimate family atmosphere. The adjectival diminutives become the lexical markers of the "happy time" of childhood which Tolstoy calls "irretrievable". Ten lexemes are nouns, which confirms the prevalence of substantival diminutiveness in the Russian language. Most of these lexemes, according to digital lexical corpora, are genuine neologisms of Tolstoy's text (*pantalotchiki* (English *pantalettes*), *khalatets* (English *little robe*), *indyushechka* (English *little turkey*), *kreslitse* (English *little armchair*), and others). The study shows that in the first novel of Tolstoy's autobiographical trilogy, diminutives play an important role in the formation of the unique artistic method of the "dialectics of the soul". They become one of the tools for depicting the child's inner world, helping to convey his psychoemotional state. Tolstoy's neologisms created according to diminutive word-formation patterns enriched the literary language of the 19th century, opening up new possibilities for expressing emotional evaluation and conveying expressiveness. The research confirms the capability of Tolstoy's artistic style to create new words and expressions; the writer introduced new lexical units into use already in his first major work.

Keywords: idiolect of L. N. Tolstoy, digital analysis of vocabulary, corpus research methods, literary language of the 19th century, diminutives, neology

Funding source. The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 25-28-20226 "Contexts of L. N. Tolstoy's autobiographical trilogy: the 21st century", <https://rscf.ru/project/25-28-20226/>

For citation: Pronina E. V., Romanov D. A. Diminutives in L. N. Tolstoy's story "Childhood" in the context of language dynamics: a digital analysis of the authorial innovations. *Russkii yazyk v shkole* = *Russian language at school*. 2025;86(6):34–42. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2025-86-6-34-42>.

Введение. Неологизмы-диминутивы, использованные Л. Н. Толстым в первой повести автобиографической трилогии, обогатили литературный язык XIX в., расширив возможности выражения эмоциональной оценки и экспрессии. Эти лексемы были необходимы Толстому для передачи психоэмоционального состояния детской души в период становления чувств, чему, по мнению писателя, в «Детстве» отводилась ведущая роль.

В лингвистической науке диминутивы определяются как дериваты с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Этот термин наиболее часто применяется к производным именам существительным, но объединяет с ними производные прилагательные и наречия. Диминутивы представляют собой важный пласт лексики, играющий значительную роль в выражении оценочного отношения говорящего к предмету речи и в формировании ее особых

стилистических оттенков. Диминутивы характеризуются функционально-семантическим синкретизмом — совмещением элементов дескрипции, рациональной и эмоциональной оценки, что нашло отражение при описании их в русских академических грамматиках, где они маркируются как «уменьшительно-ласкательные». Основным объединяющим компонентом разнообразных значений суффиксов диминутивности является семантический элемент «меньше нормы», который во всех вариантах занимает доминирующее место в структуре семантики диминутива [Семантика русского диминутива... 2019: 5]. При этом значительное варьирование конкретных смыслов лексем определяется контекстно формируемым элементом — объектом нормативной оценки, что делает семантику диминутивов многогранной и зависимой от контекста. Основная функция диминутивов соотносится с неологической тенденцией модификационного словообразования. Это создание нового слова для выражения оценочного отношения говорящего к предмету, названному производящим словом. При формировании семантики диминутивности особую роль играет суффикс, в потенциальном значении которого возможно выделить следующие функционально-смысловые центры:

- выражение рациональной оценки «меньше нормы», «маленький» (*листик, чепчик*);
- выражение эмоционального отношения к объекту (*санитарочка, лапочка*);
- волевое воздействие на слушающего (*чайку выпить, дельце сладить*);
- маркирование разговорного стиля речи (*тапочки, ножничек*).

Эти функциональные особенности позволяют использовать диминутивы как ведущий инструмент выражения отношения говорящего к предмету речи и эмоционального воздействия на собеседника.

Степень исследованности проблемы. Цель и методология. Изучение диминутивов в современной лингвистической науке представляет собой многоаспектное и динамично развивающееся направление. Диминутивы рассматриваются не только как словообразовательная категория с определенной семантикой, но и как сложное прагматическое явление, выполняющее различные функции в зависимости от контекста и типа

дискурса. Современные методы исследования, включающие корпусный анализ и междисциплинарный подход, позволяют получить объективные данные о функционировании диминутивов в различных типах текстов и выявить их структурные, семантические и прагматические особенности, что открывает перспективы для понимания роли диминутивов в коммуникации и их значения для развития языка.

Современное изучение диминутивов характеризуется применением комплексных методологических подходов, позволяющих всесторонне исследовать их функционирование в языке. Таковым является междисциплинарный аспект, который дает возможность рассматривать функционирование диминутивов на стыке лингвистики, психологии, социологии и других наук [Слабко 2014]. Данный подход обеспечивает более глубокое понимание семантики и прагматики диминутивов в различных коммуникативных ситуациях.

Одним из наиболее продуктивных подходов к изучению диминутивов является корпусный анализ. М. Д. Воейкова в своих исследованиях опирается на рандомизированную выборку диминутивных дериватов из основного и устного подкорпусов Национального корпуса русского языка¹ (далее — НКРЯ), уделяя особое внимание унификации финалей и другим структурным функциям. Ее исследование вносит вклад в понимание продуктивности употребления диминутивов в современном русском языке. Такой подход позволяет получить объективные данные о сравнительной частотности в речи различных словообразовательных моделей и наборе форм распространенных в устной речи диминутивов [Воейкова 2020: 38–56].

Особо следует выделить разработки учебных, изучающих диминутивы в художественных текстах, в частности как средство выражения авторской позиции в произведениях отечественной классической литературы [Бегалиева, Шмакова, Вавулиди 2024: 83–95]. Подобные исследования демонстрируют, как диминутивы помогают авторам создавать определенную

¹ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.05.2025).

эмоциональную тональность повествования и характеризовать персонажей [Шевцова 2024].

Цель данного исследования — на материале первой повести Л. Н. Толстого определить роль диминутивов в становлении его идиостиля и художественного метода «диалектики души» (определение Н. Г. Чернышевского), проанализировать неологические явления из сферы диминутивов в языке произведения Толстого, оказавшие влияние на лексический состав русского литературного языка последующего времени. Под идиостилем в настоящем исследовании понимаются индивидуально-авторские характеристики использования языковых средств, делающие тексты писателя оригинальными и узнаваемыми.

Анализ впервые проводится с помощью методов цифровой гуманитаристики (компьютерной обработки лексического состава повести в сопоставлении с узуальным словарным фондом эпохи).

Анализ. Наиболее близкий ко времени создания повести «Детство» (1852) лексикографический источник — это «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля, который и был избран в данном исследовании источником узуального лексического фонда. Словарь, опубликованный в 1863–1866 гг., является одним из крупнейших и наиболее авторитетных собраний лексики середины XIX в. Он включает около 200 тыс. слов, из которых 63–72 тыс. представляют собой общеизвестные в XIX в. слова, ранее не зафиксированные в других словарях [Эзерина 2020]. В процессе цифрового лексического анализа текста повести «Детство» Словарь Даля служит ориентиром для выявления лексических единиц, введенных в употребление Л. Н. Толстым. Сопоставление лексического состава повести Толстого и словаря Даля позволяет установить все точки их несоответствия.

«Толковый словарь» Даля рассматривается здесь и как самостоятельный текст, результат творческой деятельности автора. Это дает возможность видеть в словаре произведение, где каждое слово — часть картины языка XIX в.

Кроме того, каждая статья словаря Даля представляет собой не просто расширенную словарную дефиницию, а определенный

фрагмент живой речи, запечатленный в контексте общенародного быта и культуры. Следовательно, словарь Даля стал для своей эпохи не просто сборником слов, но и текстом, в котором отражены исторические, социальные и культурные реалии времени.

«Наложение» текста словаря на текст повести Толстого выявляет специфику авторского языка и его новации, помогая понять лексические и стилистические особенности произведения.

Незафиксированные словарем единицы — это факты первых употреблений слов Толстым, которые подтверждаются данными НКРЯ, дифференциального словника «Словаря русского языка XIX века» ИЛИ РАН², цифровой платформы «Социолит» НИУ ВШЭ³.

В ходе сопоставительного исследования⁴ было выявлено 143 уникальных несовпадения (т. е. употребления лексических и грамматических неологизмов для языкового узуса середины XIX в.). Автоматическое составление списков уникальных слов словаря и рассматриваемого произведения производилось при помощи программы на языке python. Алгоритм действий программы, включающий в себя предобработку текста, токенизацию, лемматизацию, ручную верификацию, представлен в работе: [Пронина, Пронин 2024], а сущность каждого из указанных исследовательско-технологических действий см.: [Казарцев, Пронин 2024].

² Дифференциальный словник «Словаря русского языка XIX века» [Словарь русского языка XIX века. ИЛИ РАН, 2023–2025] [Электронный ресурс]. URL: <https://xix.iling.spb.ru/> (дата обращения: 02.05.2025).

³ Цифровая платформа «Социолит» [Электронный ресурс]. URL: <https://sociolit.ru/> (дата обращения: 02.05.2025).

⁴ Цифровой формат повести Л. Н. Толстого «Детство», использованный в тотальном лексическом сопоставлении, см.: URL: <https://ilibrary.ru/text/1179/p.1/index.html?ysclid=m1s5pnp91658636719213> (дата обращения: 01.08.2024)]; «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля использовался в цифровом варианте: URL: https://librebook.me/tolkovyi_slovar_jivogo_velikorusskogo_iazyka?ysclid=lz9w73lucy568601335 (дата обращения: 14.10.2024).

Среди уникальных несовпадений 14 единиц представляют собой диминутивы. Из них выделяются 4 адъективные лексемы, 3 из которых — колоративы: *белокуренький*, *розовенький*, *черномазенькая*. Они употребляются Толстым как изобразительные эпитеты, помогая создавать достоверные детские образы. Среди них *черномазенькая сестрица* Любочка, которой любовался Николенька. Описание внешности Любочки (гл. II) изобилует диминутивами. Другой неологизм введен в портрет Катеньки (*свеженькое белокуренькое личико*), в которую Николенька был влюблен (гл. IX).

В приведенных контекстах диминутивы-прилагательные создают эмоциональный акцент, фиксируют мимолетные впечатления Николеньки, передают психологические особенности детского восприятия и помогают создать интимную атмосферу детства. Адъективные диминутивы становятся лексическими маркерами «счастливой поры», которую Толстой называет «невозвратимой».

Диминутивы-прилагательные, не зафиксированные в словаре Даля, тем не менее не являются неологизмами Толстого. Так, прилагательное *белокуренькая* было впервые употреблено задолго до повести «Детство» (в 1826 г. — по «Социолиту»; в 1827 г. — по НКРЯ). Диминутив *розовенькая* использован впервые в 1847 г. (по «Социолиту») и в 1836 г. (по НКРЯ). Эти прилагательные, по данным корпусного запроса, имеют достаточную частотность в текстах классической русской литературы и до Толстого, но по каким-либо причинам не попали в Далеv словарь.

Использованная Толстым лексема *черномазенькая*, первое употребление которой зафиксировано в «Горе от ума» А. С. Грибоедова (1825) «Социолитом» и в «Женитьбе» Н. В. Гоголя НКРЯ (1833), также отсутствует у Даля, но при этом не входит в число новообразований Толстого.

Из выявленной потенциальной диминутивной неологии писателя 10 лексем — это имена существительные. Некоторые из них широко употреблялись в середине XIX в.: *баночка*, *образок*, *шажки* (начальная форма *шажок* от *шаг*). Однако в литературное употребление большую их часть действительно ввел Толстой (*брючки*, *панталончики*, *халатец*, *индюшечка*, *креслице*, *карамелька*, *кюшечка*).

Слово *баночка* «живет» в русской литературе с 1780 г. (впервые, по данным НКРЯ, зафиксировано у П. И. Стрхова в переводной новелле «Тысяча и одно дурачество») и достаточно прочно закрепилось в текстах конца XVIII—XIX вв.

Образок в значении «образ, небольшая икона» впервые употреблен, согласно НКРЯ, в 1826 г. в серии литературных писем А. И. Тургенева «Хроника русского». До повести «Детство» данная лексема была достаточно частотна: по данным платформы «Социолит», ее употребляли в своих текстах М. Ю. Лермонтов, И. А. Гончаров, регулярно использовали М. Н. Загошкин (10 употреблений) и Н. А. Некрасов (19 употреблений).

Шажки — весьма употребительный диминутив XVIII—XIX вв. Толстой использует его как деталь портретной характеристики юродивого Гриши, чтобы подчеркнуть через его образ диссонанс между внешней безмятежностью мира детства и внутренними противоречиями жизни (автор воспроизводит противоположное, контрастирующее отношение разных членов семьи к юродивому страннику). Несмотря на большой рост и крепкую фигуру (...*чтобы пройти в дверь, ему не только нужно было нагнуть голову, но и согнуться всем телом*), Гриша отличается непосредственностью ребенка: ...*он вдруг маленькими шажками подбежал к Володе, схватил его за голову и начал тщательно рассматривать его макушку* (гл. V)⁵. Эти детали делают его образ внешне непривлекательным и вместе с тем трогательным (чем объясняется следующая за описанием авторская ремарка — ...*слушая его, нельзя было удержаться от какого-то смешанного чувства сожаления, страха и грусти*); они как бы предвосхищают то, что Николеньке затем придется столкнуться с непростыми реалиями взрослого мира, где доброе и злое, красивое и уродливое тесно переплетены. Подобные художественные контрасты в поэтике Толстого станут особым художественным приемом, подчеркивающим сложность и противоречивость явлений жизни и человеческих взаимоотношений.

⁵ Здесь и далее повесть «Детство» цит. по цифровому варианту с указанием номера главы.

Далее обратим внимание на лексемы-диминытивы повести «Детство», которые отсутствуют в словаре Даля и, по данным современных лексических корпусов, являются эмоционально значимыми контекстными авторскими употреблениями, закрепившимися в литературной традиции. Подобные авторские образования трансформируют слово в элемент идиостиля писателя.

Прежде всего, это диминытивы, обозначающие предметы детской одежды: *брючки*, *панталончики*, *халатец*.

Брючки: этот диминытив Толстой употребил, чтобы подчеркнуть восторг юноши при описании примерки Николеньки «московского платья»:

Московское платье оказалось превосходно: ...черные *брючки*, тоже узенькие, чудо как хорошо обозначали мускулы... (гл. XVI).

Это один из первых контекстов русской литературы, содержащий данную лексику. По НКРЯ и «Социолиту» почти в то же время эту лексику включили в свои литературные тексты П. В. Анненков («Путевые записки») и Р. М. Зотов (роман «Два брата, или Москва в 1812 году»).

Толстой часто использует диминытивы при описании предметов одежды детей. Обращает на себя внимание диминытив (по данным платформы «Социолит») — индифференциально авторское образование *панталончики*. В повести «Детство» он употреблен дважды. Первый раз — это деталь платья сестры Николеньки Любочки:

Ей было одиннадцать лет; она ходила в коротеньком холстинковом платьице, в беленьких обшитых кружевом *панталончиках* и октавы могла брать только *агреддио* (гл. II).

При чтении этих строк и восприятии образа героини возникает чувство умиления, особенно если учитывать еще одну скрытую деталь: брать октавы в технике *агреддио*, когда звуки идут последовательно один за другим, можно только в одном случае — при очень маленьком размере рук исполнителя. Таким образом Толстой придает хрупкость образу любимой сестрицы Николеньки.

Далее в тексте повести *панталончики* — деталь одежды 12-летней Сонечки Валахиной, портрет которой предельно насыщен диминытивами:

Большая <особа> размотала платок, закрывавший всю голову маленькой, расстегнула на ней салоп, и... из закутанной особы вышла чудесная двенадцатилетняя девочка в коротеньком открытом кисейном *платьице*, белых *панталончиках* и крошечных черных *башмачках*. На *беленькой шейке* была черная бархатная *ленточка*; *головка* вся была в темно-русых кудрях, которые спереди так хорошо шли к ее прекрасному *личичу*, а сзади — к голым *плечикам*... (гл. XX).

В этом фрагменте диминытивы «работают» как инструмент контраста — противопоставляют наивное восприятие Николеньки и рефлекссию взрослого повествователя, которая видна в начале фрагмента. Отношение Николеньки к Сонечке подчеркнуто сакрально. Оно искренне и глубоко, чувственно и эмоционально описывается Толстым: *...я тоже покраснел, глядя на нее; это сближение мне было так приятно, что заставило покраснеть еще раз; чувствуя, что застенчивость моя увеличивается...* (Там же). В приведенных фрагментах диминытивы служат художественным маркером эмоциональной памяти — фиксируют детали, навсегда сохраняющиеся в памяти человека тепло детских переживаний.

Еще одна деталь детского платья и маркер теплого отношения Толстого к переживаниям детства — уникальное в корпусе русского языка слово, диминытив-гапакс, по данным платформы «Социолит», — *халатец*. В гл. XV фрагмент рассказа о любви к матери и описание восторга переполненной чувствами детской души Толстой дополняет следующим замечанием:

После этого, как, бывало, придешь наверх и станешь перед иконами, в своем ваточном *халатце*, какое чудесное чувство испытываешь, говоря: «Спаси, господи, папеньку и маменьку».

Диминытив *халатец* зафиксирован как гапакс Толстого. Под *гапаксом* мы понимаем слово, однократно зафиксированное в корпусе текстов данного автора. Эта лексема, по данным НКРЯ, использовалась в первой половине XX в. М. П. Арцыбашевым, Шоломом Алейхемом, Б. А. Слуцким. Интересна актуализация слова спустя почти два столетия, уже в XXI в., в «мягкой» научной фантастике Игоря Алимова, романе «Арторикс» (2003).

Диминутивизация как инновационный прием идиостиля Толстого при описании детского платья запечатлевает и символизирует «малое», благодаря чему деталь предметной изобразительности трансформируется в эмоционально заряженный образ предмета-вещи, создающий иллюзию «сказочного», «кукольного» мира детства.

Индюшечка — окказионализм, созданный автором для предельно конкретного контекста произведения (ласкового обращения к няне). Более того, это гапакс не только повести «Детство», но и всего творчества Л. Н. Толстого. Не случайно это диминутивное разговорное слово Толстой вкладывает в уста самого любимого и дорогого сердцу Николеньки человека — матан, которая, будучи еще ребенком, называет так свою кормилицу Наталью Савишну: *Нашик мой, красавчик мой, индюшечка ты моя* (гл. XXVIII). Слово получает распространение и начинает употребляться в языке XIX в., т. е. становится общеязыковым неологизмом второй половины позапрошлого столетия, будучи использовано в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина, Ф. М. Достоевского, А. И. Эртеля и др.

Благодаря Толстому появляется в литературном языке и диминутив *креслице*, употребленный в одном из самых известных, ставшем символом детского мира контексте повести:

Счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства! Как не любить, не лелеять воспоминаний о ней? Воспоминания эти освежают, вывешают мою душу и служат для меня источником лучших наслаждений. Набегавшись досыта, сидишь, бывало, за чайным столом, на своем высоком *креслице*; уже поздно, давно выпил свою чашку молока с сахаром, сон смыкает глаза, но не трогаешься с места, сидишь и слушаешь. И как не слушать? Матан говорит с кем-нибудь, и звуки голоса ее так сладки, так приветливы. Одни звуки эти так много говорят моему сердцу! (гл. XV).

Вполне очевидно, что в формирующемся идиостиле молодого писателя диминутивы служат «технологическим приемом» (по В. Б. Шкловскому), с помощью которого создается особый эмоциональный фон, атмосфера, тонко регулируется восприятие читателем сцен, персонажей и ситуаций. Диминутивы участвуют в символизации

малого, трансформации детали в эмоционально заряженный образ предмета-вещи, создающей иллюзию «сказочного» мира. *Креслице*, будучи гапаксом повести «Детство» и творчества Толстого, в корпусе русской литературы употребляется затем в 1859 г. И. С. Тургеневым в «Дворянском гнезде». Примечательно, что Тургенев «перенимает» толстовскую технологию символизации малого: в креслице сидит Лиза Калитина, героиня, обладающая чистым, по-детски наивным восприятием, девушка чистой души.

Лексема *карамельки* — окказиональный диминутив Толстого. Производящее слово является галлицизмом, заимствованным в конце XVIII в., что фиксируется в НКРЯ. В уменьшительно-ласкательной форме представляет собой гапакс повести «Детство» и творчества Толстого в целом. Это слово употреблено в строках, связанных с Натальей Савишной:

Через несколько минут Наталья Савишна вернулась, робко подошла ко мне и начала увещевать:

— Полноте, мой батюшка, не плачьте... простите меня, дуру... я виновата... уж вы меня простите, мой голубчик... вот вам. — Она вынула из-под платка корнет, сделанный из красной бумаги, в котором были две *карамельки* и одна винная ягода, и дрожащей рукой подала его мне. У меня не доставало сил взглянуть в лицо доброй старушке; я, отвернувшись, принял подарок, и слезы потекли еще обильнее, но уже не от злости, а от любви и стыда (гл. XIII).

Слово *коемочка* — своеобразный орфографический гапакс Толстого. Написание *каёмочка* присутствует у Даля. В НКРЯ такой лексемы нет. На платформе «Социолит» в орфографии *коемочка* фиксируется как гапакс в записке Карла Ивановича из «Детства» Толстого: *Цветной бумага, золотой коемочка, клешир и болван для коробочки, в подарках — 6 р. 55 к.* (гл. XI).

По данным Этимологического словаря Фасмера, впервые «мн. *коймы* встречается в 1589 г. у Бориса Годунова; укр. *кайма*»⁶. Слово, по Фасмеру, заимствовано из турецкого: *kajta* — то же. От *kajmak* 'окаймлять'.

⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. 3-е изд. М.: Терра, 1996. С. 162.

Интересно отметить, что уже в советский период Словарь Ушакова фиксирует двойную орфографию: «...каймы, мн. каймы, каём, каймам, и коймы, койм, коймам», а также отмечает, что слово произошло из казахского *qajma* – ‘обшивка’⁷.

В словаре Даля, представляющем узальную норму середины XIX в., также наблюдается двойная орфография начальной формы: *койма* и *кайма*, *каемка*, *каемочка*. Однако в варианте написания с *о* диминутивное образование встречается только у Толстого в «Детстве». На первый взгляд, это «случайный» гапакс, однако можно предположить, что немец Карл Иванович допускает в письменной речи ошибки «по воле» Толстого. Этим создается уникальность и самобытность (до мельчайших деталей) реалистичного образа одного из самых дорогих и милых сердцу главного героя персонажа. Таким образом диминутивы превращают бытовые детали в элементы психологической «ткани» произведения, где каждая мелочь становится носителем экзистенциального смысла.

Выводы. Диминутивы как индивидуально-авторские образования Л. Н. Толстого созданы по существующим в языке XIX в. словообразовательным моделям. Индивидуально-авторские диминутивы, отмеченные настоящим исследованием как гапаксы языка Толстого, преимущественно сконцентрированы в композиционных частях текста, посвященных самым близким Николеньке персонажам (папан, Наталье Савишне, Карлу Иванычу, сестрам), первым детским влюбленностям Николеньки, а также юридическому Грише. В этих фрагментах чувства главного героя обнажены, искренни и вместе с тем по-детски чисты и наивны, а атмосфера почти сказочна.

В повести «Детство» можно выделить несколько функций диминутивов. Они выступают:

- как маркеры эмоциональной памяти (фиксируют детали, сохраняющие тепло детских переживаний);
- как инструмент создания контраста (противопоставляют наивное восприятие Николеньки и рефлексию взрослого повествователя);

– как символы утраченной гармонии (через уменьшительные формы Толстой кодирует мотив невозвратимости «золотой поры», где мельчайшие детали сохраняются в памяти как образы «утраченного рая»).

Проведенное исследование показывает, что диминутивы в повести Л. Н. Толстого «Детство» являются важным элементом идиостиля писателя и отражением активных процессов в русском литературном языке середины XIX в. Применение методов цифровой гуманитаристики позволило установить конкретные лексические новации Толстого и определить их влияние на развитие языка.

Создание диминутивных неологизмов соотносится с тенденцией модификационного словообразования в русском языке, которое дает возможность писателю одновременно номинировать объект и оценить его, что особенно важно для «психологического реализма» раннего Толстого.

Диминутивы выступают не только как средства выражения эмоционально-оценочных значений, но и как инструменты создания уникального литературного метода «диалектики души», ставшего характерной чертой творчества Толстого.

Результаты исследования могут быть использованы для пополнения дифференциального словарика «Словаря русского языка XIX века», работа над которым ведется в Институте лингвистических исследований РАН.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бегалиева С. Б., Шмакова Е. С., Вавулиди И. И. Диминутивы как средство выражения авторской позиции в рассказах А. П. Чехова (корпусное исследование) // Керуен: научный журнал. 2024. Т. 82, № 1. С. 83–95. <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2024.1-07>.
2. Воейкова М. Д. Структурные функции диминутивов в современном русском языке и продуктивность их употребления // Вопросы языкознания. 2020. № 5. С. 38–56. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2020.5.38-56>.
3. Казарцев Е. В., Пронин Д. Д. Основы цифровой филологии: методы и принципы компьютерного анализа текста. СПб.: Политехника, 2024. 178 с.
4. Пронина Е. В., Пронин Д. Д. Исследование неологических тенденций развития русского литературного языка середины XIX века

⁷ Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: ОГИЗ, 1935. С. 1284.

в творчестве Л. Н. Толстого методами компьютерной лингвистики // Тульский научный вестник. Серия: История. Языкознание. 2024. Вып. 4(20). С. 172–182. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-172-182>.

5. Семантика русского диминутива в межъязыковых соответствиях и взаимодействиях: корпусное и экспериментальное исследование / З. И. Резанова, Е. Д. Артеменко, А. В. Васильева [и др.]. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2019. 168 с.

6. Слабко Ю. В. Прагматические характеристики русских и английских диминутивов // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2014. Т. 1, № 1. С. 125–132.

7. Шевцова О. В. Диминутивные образования как характерная черта ранних рассказов А. П. Чехова // Miasto Przyszłości. 2024. Т. 48. С. 1286–1300 [Электронный ресурс]. URL: <https://miastoprzyszlosci.com.pl/index.php/mp/article/view/3687> (дата обращения: 15.05.2025).

8. Эзериня С. А. Публицистика и русская лексикография XIX века // Славянская историческая лексикология и лексикография. 2020. Вып. 3. С. 174–185. <https://doi.org/10.30842/2658-3755202007>.

REFERENCES

1. Begaliev S. B., Shmakova E. S., Vavulidi I. I. Diminutives as a means of expressing the author's position in the stories of A. P. Chekhov (corpus research). *Keruen: nauchnyi zhurnal = Keruen: the scientific journal*. 2024;82(1):83–95. (In Russ.) <http://doi.org/https://doi.org/10.53871/2078-8134.2024.1-07>.
2. Voeikova M. D. Structural functions of diminutives and their productivity in modern

Russian. *Voprosy Jazykoznanija = Topics in the study of language*. 2020;(5):38–56. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2020.5.38-56>.

3. Kazartsev E. V., Pronin D. D. Fundamentals of digital philology: methods and principles of computer text analysis. Saint Petersburg: Polytekhnika, 2024. 178 p. (In Russ.)

4. Pronina E. V., Pronin D. D. Study of neological tendencies in the development of the Russian literary language of the mid-19th century in the works of L. N. Tolstoy using computational linguistics methods. *Tul'skii nauchnyi vestnik. Seriya: Istoriya. Lingvistika = Tula Scientific Bulletin. Series: History. Linguistics*. 2024;4(20):172–182. (In Russ.) <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2024-4-172-182>.

5. The semantics of the Russian diminutives in interlingual correspondences and interactions: a corpus-based and experimental study / Z. I. Rezanova, E. D. Artemenko, A. V. Vasilyeva [et al.]. Tomsk: Tomsk University Press, 2019. 168 p. (In Russ.)

6. Slabko Yu. V. Pragmatic characteristics of Russian and English diminutives. *Vestnik LGU im. A. S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal*. 2014;1(1):125–132. (In Russ.)

7. Shevtsova O. V. Diminutive formations as a characteristic feature of the early stories of A. P. Chekhov. *Miasto Przyszłości = City of Tomorrow*. 2024;48:1286–1300 [Electronic resource]. URL: <https://miastoprzyszlosci.com.pl/index.php/mp/article/view/3687> (accessed: 19.05.2025). (In Russ.)

8. Ezerinya S. A. Opinion-based journalism and the 19th century Russian lexicography. *Slavyanskaya istoricheskaya leksikologiya i leksografiya = Slavic historical lexicology and lexicography*. 2020;3:174–185. (In Russ.) <https://doi.org/10.30842/26583755-202007>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Елена Викторовна Пронина, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и литературы

Дмитрий Анатольевич Романов, доктор филологических наук, профессор, руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований

Elena V. Pronina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature

Dmitry A. Romanov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Center for Russian Language and Regional Linguistic Studies

Статья поступила в редакцию 28.05.2025; одобрена после рецензирования 17.07.2025; принята к публикации 23.08.2025.

The article was submitted 28.05.2025; approved after reviewing 17.07.2025; accepted for publication 23.08.2025.